

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Гедонизм в контексте критики этического формализма

Стеценко Леся Леонидовна

Кандидат наук

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский факультет, Киев, Украина

E-mail: lesia.stetsenko@gmail.com

Понимание гедонизма, как положительного, морального факта, нетипично для истории западноевропейской философии и культуры. Если сделать небольшой экскурс в историю, то уже у киренаиков можно увидеть двойственное понимание гедонизма: с практической точки зрения, это мировоззрение утверждает самоценность личности, но, с другой стороны, так как гедонизм постулирует, что удовольствие является высшей ценностью и его получение допустимо любыми средствами, гедонизм является основой для апологии зла и аморализма. «Гедонизм это психологический nonsense и противоречит основным фактам душевной жизни» - писал Николай Бердяев [1]. Сегодня для многих гедонизм ассоциируется с «Философией в будуаре» Маркиза де Сада. В контексте обыденного языка, понятие «гедонизм» имеет негативные коннотации и указывает на аморальную склонность к разгульной, а то и порочной жизни.

Критика этического формализма и оправдание гедонизма - одна из центральных идей философа Дмитрия Чижевского. Рассмотрению этой идеи Чижевский посвятил ряд статей, которые были подготовкой к незаконченной книге о этическом формализме и статей, посвященных философии Просвещения. Чижевский критикует формальную этику, в основе которой лежит просветительская абсолютизация рациональности, которая игнорирует индивидуальность, неповторимость человека и ситуации, где индивидуальное растворяется в наиндивидуальном, личное в безличном, а уникальность человеческой жизни и судьбы теряет свою важность.

Согласно с парадигмой этического формализма, этическая теория должна устанавливать и обосновывать нормы, предписания, законы всеобщего характера, в отношении которых конкретные поступки конкретных индивидов являются единичными случаями. Исходной интенцией нравственного формализма есть предположение, что этическую квалификацию поступка создают только те его элементы, которые имеют сходство, общность с элементами других поступков, которые были уже квалифицированы как положительные или отрицательные. Но, как считает Чижевский, это ошибочный путь. Значение поступка заключается не в приложении к свободе общих принципов, а в самом факте определения воли во всей ее конкретности и индивидуальности. «Этическую значимость и смысл понимания поступки получают только в своей пограничной спецификации что приводит к конкретной индивидуальности» [3, С.21]. Именно конкретность и индивидуальность оказывается по ту сторону формалистической этики. Итак, необходимо найти новый путь, который был бы приближен к «первичной этической реальности». Чижевский считает, что главная ошибка Канта заключалась в том, что конкретность и индивидуальность он связывал только с чувственным и эмпирическим миром. Чижевский же предлагает термин «идеальная конкретная этика», которая, по его мнению, не обязательно эмпирически чувственная.

В.Н. Назаров [2], анализирует тенденции развития русской этики 1920-60-х годов и показывает, что идея «конкретно-идеальной» этики, вопрос о том, как возможна этическая теория, в основе которой лежал бы принцип индивидуально-конкретной этической реальности, не являющейся в то же время реальностью эмпирически чувственной, становится центральным направлением в развитии русской этической мысли этого периода. Опыт конкретизации индивидуальности был предпринят Г.Д.Гурвичем, С.Н.Булгаковым, А.А.Мейером, Б.П.Вышеславцевым, С.И.Гессеном, Н.О.Лосским, М.М.Бахтиным, А.С.Макаренко.

В связи с этим, возникает проблема обоснования критериев идеально конкретной нравственной реальности. Если предположить, что эта реальность может носить только эмпирически-чувственный характер, то любая попытка логического обобщения и, соответственно, теоретического построения этики невозможна. Чижевский видит выход из кризиса формализма в предположении, что существует конкретно идеальная моральная реальность. Речь идет о реальности конкретно-идеальных типов. Так, говоря о типовых формах построения этических конкретно-идеальных типов, Чижевский вспоминает христианские агиографии, морализирующие биографии (Плутарх). Можно предположить, что идею идеального нравственного типа Чижевский заимствует из социологии М. Вебера. Воплощается в реальность не добродетель, а некий «идеал», определенный тип этического действия. «Приложение» идеала не является подведением конкретного случая под общее правило, а определенное приближение к максимально возможной реализации будущего для нас идеального нравственного «очертания» во всей неисчерпаемой сложности его содержания и структуры.

Исходя из концепции конкретного идеального типа, Чижевский приходит к оправданию гедонизма как максимального приближения к реальности, конкретности и индивидуальности. Основой гедонизма является индивидуальность, чувственность, конкретность и непосредственность восприятия. Именно они – основа для нравственного, религиозного и эстетического чувства. Неповторимость внутреннего опыта личности и ситуации, наслаждения, любви, могут быть высшими воплощениями духовного и нравственного. Чувство наслаждения становится моральным, как тип этического действия, когда в нем раскрывается духовное, которое выходит за границы психической субъективности, где чувственный опыт это источник духовной ценности, а не духовной деградации.

Гедонизм может стать путем для преодоления нравственного кризиса. Понимание наслаждения как служения, гедонизма как нового гуманизма, любви как высшего воплощения гедонизма, любви как высшего воплощения конкретности. Этот путь Чижевский назвал «путем к метафизике через чувственность» [3, С.28].

Литература

1. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. Сборник статей. - М: Три квадрата, 2000. - С.354
2. Назаров В.Н. Из истории отечественной этики. Опыт хронологии русской этики XX века: второй период (1923–1959) // Этическая мысль. – М., 2001. [Вып.2]. – С. 169-190

3. Чижевский Д.И. О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928., Т.1. С.20-30